

Г. А. Личевский

Белорусский государственный университет, Минск

G. A. Lichevsky

Belarusian State University, Minsk

УДК 172.16

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЕКЦИИ ФЕНОМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

SOCIO-PHILOSOPHICAL PROJECTIONS OF THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION

Статья посвящена реконструкции трех концептуальных уровней осмысления глобального проекта: экономического, идеологического и политического. Автор рассматривает их интегральное объединение как адекватный ответ на вызовы трансформирующегося мира. Аргументируется тезис о том, что проект глобализации неразрывно связан с проектом просвещения, при этом акцент делается на таких проблемах, как массовизация, технизация общества и отчуждение человека.

Ключевые слова: глобализация; Просвещение; рационализм; экология; *pax Americana*.

The article is devoted to the reconstruction of three conceptual levels of understanding a global project: economic, ideological and political. The author considers their integral unification as an adequate response to the challenges of the transforming world. The thesis is argued that the project of globalization is inextricably linked with the project of enlightenment, while the emphasis is on such problems as: massization, technization of society and alienation of man.

Keywords: globalization; Enlightenment; rationalism; ecology; *pax Americana*.

Выступив закономерным следствием развития новоевропейской рациональности, проект глобализации является первичным маркером техногенной цивилизации. Основания этому обнаруживаются в повсеместном распространении рационального способа освоения природной среды, получившим первоначальную легитимацию еще на этапе Античности. В свою очередь последующее развитие рационализма в фокусе капиталистической модели хозяйствования как ответ на запрос в адаптации человека к внешнему миру привело к окончательному утверждению глобальной социальной модели. Концентрированное выражение эта модель обрела в идеологии просвещения, краеугольным камнем которой выступает принцип *cogito*, обнаруживший свою проекцию как в философском, так и в социокультурном плане.

Однако последующее развертывание ценностной модели просвещения выявило свои негативные аспекты в динамике исторического развития, связанные как с субъективно-мировоззренческими, так и объективно-производственными характеристиками. Так, в первом случае масштабная технизация общественной среды привела к отчуждению и массовизации человека, во втором – к выхолащиванию «жизненного пространства» и экологическому кризису. В этой связи целесообразным представляется рас-

смотреть онтологические истоки глобального типа мышления, а также проанализировать его альтернативные европоцентрической идеологии просвещения уровни. Таким образом, в настоящем исследовании феномен глобализации рассматривается не только в экономическом разрезе и получает выражение в форме трех уровней: гносеологическом, критическом и геополитическом.

Первоначальные проекции глобализма как попытки примирить человека с природной реальностью получили свое становление в Древней Греции как альтернатива идеалистической парадигме платонизма – в течениях стоицизма и кинизма. Разработка этих философских проектов оказалась в значительной степени инспирирована противоречивостью политической теории Платона, которая, с одной стороны, имманентизировала политическое неравенство в аспекте социализации, во-вторых, была нацелена на удвоение самой реальности как интеллигибельной, истинной и материальной, ложной.

Соответственно, носителями «корректного» в рамках подобной картины мира мышления выступали те, кто обладал способностью умозрения, – философы, в то время как представители остальных социальных групп в лице рабов, воинов и торговцев оказывались отрешены от политической сферы. Здесь следует отметить, что категория «политики» в Античности выступала приоритетным способом философского отношения к реальности, что в конечном счете ознаменовало переход дуальной модели этой реальности в практический план. Как справедливо указывал К. Поппер, подобное удвоение привело к становлению специфической идеологической матрицы, характеризуемой вневременным характером ее идеала – государства: «Даже натуры “редкие и необычные”, приблизившиеся к совершенству, зависимы от общества и государства» [7, с. 111]. Признание верховенства государства как высшей формы политического, а значит, философского мышления в итоге ознаменовало развитие историцизма как абстрактного идеала политики.

На этом фоне неприятие политического курса платонизма со стороны киников и стоиков характеризовалось отходом от абсолютизации рационального, эйдетического мировоззрения с признанием исходной ценности человека, нежели субъекта классовой идентичности. В этом контексте перспектива общечеловеческой консолидации рассматривалась в призме космополитизма, а сам человек – как вовлеченный в природный мир организм [8, с. 61].

Немаловажно подчеркнуть, что историцистское абстрагирование государства на фоне развития рационального мышления выступало не только греческим феноменом, а, наоборот, оказалось созвучно перспективе развития мировой цивилизации в терминах осевого времени (К. Ясперс). При этом, как правомерно отметил А. В. Коротаев, осевое время как масштабный переход от мифологического мышления к рациональному выразило собой в первую очередь результат технологического развития в разных регионах земного шара – Китае, Индии и Греции, тогда как его политические

конstellляции выражают субстратную характеристику самого государства [4, с. 153]. Таким образом, рационализация природной среды, в понимании российского мыслителя, выступает исторически необходимым атрибутом социального развития, перекликающимся с технологическим и социокультурным прогрессом в форме национальных государств.

Соответственно, на данном этапе полагаем возможным зафиксировать, что отход от мифологического мировоззрения привел к возникновению исторически нового отношения к природной реальности, выраженного в ее практической переработке.

Здесь, впрочем, следует сказать, что подобная переработка осуществлялась по разным концептуальным основаниям, которые в дальнейшем выступили важнейшим критерием отличия европейского рационализма от в широком смысле азиатского. В первом случае на передний план выступила фигура Одиссея как «обманщика богов», метафорически отражающая генезис рационального субъекта с присущим ему культом индивидуализма, тогда как во втором имела место ориентация на коллективизм и соблюдение предвечного – небесного – порядка мирового устройства.

При этом, несмотря на весьма плодотворное развитие азиатского региона в течение грядущих столетий, в социально-философском разрезе большую значимость обнаружила именно европейская модель. Это связано не столько с иллюзорной ценностью европоцентризма, сколько с экспансионистскими презумпциями того типа рациональности, который получил становление под его эгидой. В то же время параллельное развитие ряда азиатских стран, как, например, Китая и Японии, несмотря на сохранение ряда мифологических черт, оказывалось не в меньшей степени сложным в сравнении с ходом развития европейской цивилизации. Так, согласно Д. Нидаму, капитализм китайского образца, получивший становление в «осевое время», был несравненно более сложным по своему устройству, чем в последующие времена европейский. Это связывается мыслителем как со спецификой географических условий Китая, так и с бюрократической моделью его государственного устройства, где оптимизация управленческой технологии выступала своеобразным гарантом суверенитета [5].

На этом фоне нельзя не отметить деструктивную компоненту сперва древнегреческого, а после новоевропейского рационализма, выражающую собой, по И. Т. Касавину, развертывание сперва пессимистически-индивидуалистической, а затем массово-практической идеологии [3, с. 25–40]. В гносеологическом аспекте этому сопутствовало развитие диалектического мышления с характерной для него абсолютизацией разума и его универсализацией, в социальном – последовательная интеграция человека в производственную среду, а в производственном – технологическая эксплуатация природных ресурсов.

Получив ценностное выражение в форме проекта Просвещения, указанные тенденции озаменовали концептуальный переход к идеологеме

европоцентризма, получившей развитие в трудах Г. В. Ф. Гегеля. Согласно мыслителю, немецкая нация как высшая форма развития европейской цивилизации выступает наследником греческого и римского рационализма, а ее духовным базисом является идея свободы как самосознания Духа на замыкающем этапе исторического развития. И поскольку рефлексия Духа в равной степени выражает собой рефлексию субъекта, на данном этапе осуществляется неправомерная политизация философии, влекущая за собой возрастание тоталитаризма [6, с. 41–42].

Радикализм Г. В. Ф. Гегеля и последующий кризис его философских построений в рамках философии иррационализма в значительной степени подтвердили ошибочность европоцентризма, что было связано как с развитием идей Дж. Вико, А. Кондорсе и А. Тюрго как пионеров цивилизационного подхода в философии истории О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского и К. Леонтьева, так и с последовательным отходом от отождествления максимы прогресса с рациональным мышлением. Так, если ранее лозунг «знание – сила» выступал важнейшим маркером Просвещения и, соответственно, «цивилизованного» состояния, то с развитием историографических исследований в XIX в. сформировалось устойчивое представление о многообразии цивилизаций в купе с их культурным своеобразием.

В этом случае важно отметить, что отход от европоцентристской модели в рамках философии истории со стороны вышеуказанных авторов на практике вовсе не привел к отходу от глобалистских презумпций европейского общества. Так, в точном соответствии с задачей повсеместного распространения идеалов рационального познания практическим следствием проекта Просвещения выступила колонизация неевропейских континентов – Америки, Африки и Азии, чему соответствовала мир-системная интеграция капитализма и его последовательный переход в империалистическую фазу.

На этом фоне становление международного капиталистического оборота привело не только к формированию специфического индустриального «региона», но также к масштабному распространению утилитарного мироощущения. Таким образом, осуществилось фактическое закабаление автохтонных культур европейской моделью мышления, что привело к их поглощению капитализмом. «Прогрессивность» подобной модели ознаменовала кризис не только в панораме социально-политического устройства, но также в фокусе экологии, когда отдельные регионы Земли вплоть до конца XX в. выступали как ресурсная база европейского и североамериканского континентов. В этом случае глобализационный проект обнаружил свое выражение сперва в фокусе противоречий советской и американской идеологических конструкций, а после – повсеместном распространении капитализма и пропорциональной ему аксиоматике неолиберализма.

В этой связи важно разграничивать несколько уровней глобализации, каждый из которых коррелирует с сверхрационалистической сущностью капитализма: во-первых, как консолидации международной экономики

и обострения ее рискогенных факторов, во-вторых, как идеологической гомогенизации, в-третьих, как стратагемы международных политических отношений.

Так, в первом случае обнаруживается, что интенсивное развитие глобальной экономики в связи с эволюцией природной материи требует возрастания сознательности со стороны человечества в отношении эко- и биосферы. Подобные идеи получили первоначальное развитие в трудах П. Тейяра де Шардена и В. Вернадского, а в последующем – Н. Федорова, В. С. Стёпина и К. Лоренца. Авторами подчеркивается необходимость в отходе от производного извлечения выгоды из природного мира, так как его первоначальное биотическое многообразие уменьшается с каждой новой вехой в развитии индустриальных технологий. В этом контексте первичной выступает задача не только формирования экологически нейтрального производства, но также налаживание международных связей в форме интерсоциальной, планетарной коммуникации (Н. Федоров), которой будет сопутствовать экстраполяция принципа разумного не-деяния применительно к природе (В.С. Стёпин).

Второй уровень осмысления глобализации выражается в экспликации идеологических противоречий капитализма, во второй половине XX века преобразующимся в модель одномерного мышления – *Rax Americana*, «американский путь». В этом случае предметом социально-философского осмысления предстает феномен массовой культуры и становление общества потребления как преемника эпохи Просвещения. Так, Г. Маркузе и Ж. Бодрийяром подчеркивается декадентский путь рациональности европейского типа, выраженный в фактическом выхолащивании критического мышления человека путем его приобщения к квазипросвещенному обществу.

В этом обнаруживается изначальный парадокс рационализма: познавая окружающий мир в понятийной форме, человек добровольно отрешается от полноты своего эстетического, то есть чувственного восприятия в угоду апробированной в социальном масштабе модели мышления. Первичным критерием истинности подобного мышления выступает точное соответствие, корреспондирование мысленного образа конкретному предмету, что отсылает к психоаналитическому расщеплению самости человека.

Соответственно, последующая диверсификация капитализма принимается отражать сверхрационалистический фетиш, облекающийся в форму массового мировоззрения и массовой же культуры. Вследствие подобной метаморфозы человек обращается в пассивно действующего актора социально-политического производства, что в конечном счете приводит к возрастанию цинического отношения к действительности (С. Жижек, П. Слотердайк). Несмотря на то что социально-критический подход выступает несколько тенденциозным и часто подвергается критике со стороны мыслителей постмарксистской и постмодернистской ориентации, несомненным представляется, что анализ культурных факторов в рамках глоба-

лизации обладает эвристическим потенциалом как обращенный непосредственно к человеку и его витальным практикам.

Третий уровень осмысления глобализации, выраженный в анализе геополитических характеристик современного мира, отсылает к коллизиям демократии европейского образца и в значительной степени обращается к цивилизационной проблематике прежних столетий. В этом контексте такими мыслителями, как З. Бжезинский, С. Хантингтон, А. Дугин и Ф. Фукуяма, земной шар интерпретируется как арена идеологического противостояния («Шахматная доска») между евразийским регионом – Хартлендом – и атлантическим (Америка, Австралия, Япония). Этот подход предстает наиболее противоречивым ввиду своей явственной идеологической ангажировки. Тем не менее, обращаясь к дескриптивным аспектам концепций вышеуказанных авторов, представляется вполне возможным рассматривать глобализационный проект как сферу противостояния неолиберальных и неоконсервативных ценностей. Значимым аспектом этого противостояния выступает близость разных регионов политическим проектам эпохи Нового Времени: либерализму, марксизму и фашизму.

Страны, где эти проекты состоялись в истории (Европа, Америка), традиционно выступают акторами атлантизма, тогда как носители альтернативного идеологического сознания, наоборот, репрезентируют евразийцев. Обращаясь к актуальным политическим тенденциям, подобную оппозицию возможно выразить как противостояние, с одной стороны, НАТО и неолиберализма, а с другой – ОСЕАН и БРИКС, концептуально опирающихся на модель «сетевой демократии» [2, с. 91].

При этом концепт *Raх Americana* и его демократические конstellации по-разному оцениваются современными мыслителями. Так, например, по мнению Ф. Фукуямы, мыслителя гегельянской направленности, он предстает позитивным сценарием международного развития, так как именно демократия знаменует реализацию свобод со стороны человека. По мнению же А. де Бенуа, родоначальника движения «новые правые», важнейшим атрибутом *Raх Americana* выступает квазигуманистический характер идеологии прав человека, которая ввиду абстрагирования юридической субъектности человека выступает препятствием для «любой политики вообще» и влечет за собой абсолютизацию проамериканского политического курса [1, с. 105].

Как итог, в рамках вышеописанных проекций глобализации правомерным представляется указать на ее «тупиковый путь» в масштабах Земного шара. Это связано как с долгосрочным засильем европоцентризма, так и с фактическим назреванием экологического кризиса – феноменов, в значительной степени обусловленных рационалистическим мышлением. Как результат, в современности все большую актуальность обнаруживает междисциплинарный подход к понимаю глобализации как триосферы, объединяющей как духовные, так и материальные характеристики глобального общества [9, с. 13–16]. В этом случае глобализация представляет собой

закономерный продукт синтеза биологической, социальной и культурной сфер как результат общесоциальной рефлексии над окружающим миром, с одной стороны, и объективными показателями качественного изменения природы – с другой.

На этом фоне продуктивной представляется разработка экологического мышления, в современности набирающая все большую популярность, а равно отход от гегемонистской модели международных социально-политических и экономических отношений, к чему прослеживаются предпосылки в рамках концепций глокализации и этноплюрализма как синтез рассмотренных выше уровней глобального мышления и их преобразование в целостный каркас космополитизма. Кроме того, важной предстает задача разработки экопозитивного мировоззрения, характеризуемого отказом от утилитарного пользования природными ресурсами.

Таким образом, отход от экспансионизма в экономике, политике и культуре выступает первичной задачей современного общества и отражает позитивный сценарий дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Список использованных источников

1. *Бенуа, А.* По ту сторону прав человека. В защиту свобод / А. Бенуа. – Москва: Ин-т социогуманитар. исслед., 2015 – 144 с.
2. *Казаков, А.* Лис Севера. Большая стратегия Владимира Путина / А. Казаков. – Санкт-Петербург: Питер, 2024. – 368 с.
3. *Касавин, И. Т.* Познание в мире традиций / И. Т. Касавин. – Москва: Наука, 1990. – 202 с.
4. *Коротаев А. В.* Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции / А. В. Коротаев. – Москва: Вост. лит., 2003. – 278 с.
5. *Нидам, Дж.* Общество и наука на востоке / Дж. Нидам // Электронное издание «Uchebana». – URL: Наука о науке. Сборник статей. – Москва, 1966. – Сборник статей – стр. 1 (uchebana5.ru) (дата обращения: 23.08.2024).
6. *Поппер, К. Р.* Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – Москва: Феникс, 1992. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.
7. *Поппер, К. Р.* Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. – Москва: Феникс, 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 448 с.
8. *Санжениаков, А. А.* История моральной философии / А. А. Санжениаков. – Москва: Этич. мысль, 2021. – Т. 21. – С. 59–70.
9. *Чумаков, А. Н.* Глобализация. Контуры целостного мира / А. Н. Чумаков. – Москва: Проспект, 2023. – 456 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)